

84(2=411.2)694(081)
Л 67
А-375774

Лишь Слову
жизнь дана...

84(2-411.2)6я4(08л)

Л 67

84(2-411.2)6я43(08л)

ВРМ

+ 0р84

+ 0р83.37

Всероссийское общество инвалидов
Союз писателей России

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

Лишь Слову жизнь дана...

Выпуск IV

Сборник произведений участников
I Всероссийского конкурса литературного
творчества инвалидов
«СТИХиЯ Пегаса»

Оренбург
2019

а-345444

с 2014 г.

КР

БРЯНСКАЯ ПОВЕСТЬ

Бежала уточкой, норовя обогнать свою палку-костыль и укрыться от налетающего снежка брезентовыми крыльями плаща. Я спешил, но старушка, видать, торопилась еще больше.

– Ты чего стал? – настороженно заглянула она в приоткрытую щелочку окна.

– Подвезти.

– А ты меня знаешь?

– Нет.

– Тогда почему стал?

– Снег начинается, вы торопитесь, я еду. Садитесь.

– Но ты точно меня не знаешь?

– Не знаю.

Ветер с разбега швырнул пригоршню снега в машину, на сшитый во времена развитого социализма плащ старушки, ее увитую венами руку, лежавшую на клюке.

– Бабуля, время! Едем.

Но она продолжила пристально всматриваться в меня, угадывая породу. Ни на кого в ее памяти не оказался похож, но просияла в озарении, найдя неопровержимый аргумент моего возможного коварства:

– А почему тогда другие проехали мимо и не стали?

О-о, святая простота!

– Ну не знаю я, бабуль. Меня подвозили, я подвожу. За других не отвечаю. Поедете? – перебросил на заднее сиденье бутылки из-под пива.

– Но ты точно меня не знаешь?

– Точно. Не знаю.

Глянула на небо, по сторонам, открыла дверцу. Прежде чем сесть, сбросила дождевик, – так в деревне снимают и галоши перед тем, как войти в дом. Смотала брезент в рулон, прижала к животу: если испачкает, то себя. Осторожно усевшись, двинула зажатой меж колен клюкой, словно штурвалом в самолете – вперед.

Только набирать по здешним дорогам крейсерскую скорость – оставить на ней подвеску или вылететь в кювет.

– А что это у вас дороги такие разбитые?

– Так война ж была.

Не шутила, не ехидничала – правду говорила и верила в это.

Скрывая улыбку, отвернулся к окну. Молоденькие деревца, летом зелеными солдатиками бежавшие по кособоку в атаку, сейчас, убеленные седым инеем, выходили из боя по колено в снегу.

Война, так война. «Мы вели машины, объезжая мины»... Сократил на свою голову дорогу по проселкам! А куда нужно торопиться другим?

– И куда можно торопиться в такую погоду?

– Так снег же понедельник не отменял! А у меня дед только по ним круглый год на рыбалке. А нынче очки забыл. Несу вот. Крайней-то я окажусь, что не проверила.

Похлопала по карманам: не попутал ли бес и ее? Вытащила перевязанный резиночкой очечник, как в шкатулочку, заглянула внутрь. Порылась в ворохе бумажек, оказавшихся под очками. Ноготком выцарапала с самого низа сотенную, в дедовы же очки проверила ее на свет. Укоризненно посмотрела на меня. Ясно, отвечать за поведение всего мужского населения страны тоже мне...

– А божился, как иконе, что потерял. Вот теперь будет ему ни дар, ни купля, – затолкала бумажку в карман кофты, зашпилила личный сейф булавкой. – Сам-то где живешь?

Ехали в сторону Украины, и кивнул назад:

– В России.

– А я дома. Пятистенник. Пятерых и родила, каждому по стене. Да только разбежались все. Кукуем с дедом вдвоем. Ты, видать, такой же. Летун? – ей очень хотелось оправдаться чужим человеком, что остались они с дедом одни не из-за плохих детей, а что времена нынче за окном такие.

За стеклом начинающаяся поземка была в грудь собравшихся на обочине воробьев. Сугробы, присевшие отдохнуть на поваленные вдоль дороги деревья, приглашали присоединиться, но нам посиделок не надо. Нам вперед, на Киевскую трассу.

Скосил глаза на часы. Цифры в Минутах сменяются быстрее, чем в километрах...

– А ты не летай быстрее своего ангела, – утихомирила попутчица, все замечая. – Раз сдерживает в пути, значит, хранит от беды, которая может ждать тебя впереди. А мне вон там, около Барыни, остановись, – кивнула на железный транспарант с дородной колхозницей, державшей в руках проржавевший сноп пшеницы.

– Почему Барыня?

– Так мы все работали, а она всю жизнь просто-яла с улыбкой. Стопроцентная правда, это я не перцем чихнула.

– Ясно. Далеко до озера?

– За тремя кустами. Добегу. А то дед заревнует, что на машинах без него разъезжаю, – поулыбалась несбывшейся возможности. – Спасибо тебе, хоть и не знаешь меня. Авось и тебе когда от людей в нужную минуту воздастся.

Помявшись, вскрыла сейф, на ощупь распознала его содержимое и, скорее всего отделив от гостинца деду, положила на панель две конфеты:

– Вместо курева.

Выйдя, раскатала обратно плащ, кивнула то ли мне, то ли в небо за помощь, и снова побежала бочком, уточкой к слепому деду-селезню. Поймать вам золотую рыбку...

А мне опять наверстывать время, благо до трассы тоже три куста. На таких одинаковых расстояниях от пересечения дорог обычно ставят храмы...

Ударить по газам не получилось и на Киевке. На первом же пригорке, собрав гармошку из нетерпеливых, дергающихся мальками легковушек, полз трактор-«петушок», издевательски кивая всем задраным ковшом. Сколько не имей лошадей под капотом, а подчиняйся второй скорости трактора. Тянись следом, читай указатели, смешавшие красоту и политику – «Красная поляна», «Красный бор», «Красная коммуна», «Красный колодец». Не хватало еще какой-нибудь «Красной синьки» – в Питере в двадцатых годах назвали так завод, выпускавший побелку. Но там был революционный подъем, а тут едешь как на быке. Давай жен, то ли брат, то ли сестра «Беларусь», мне еще возвращаться назад.

Рвануться вперед всем скопом смогли, лишь выскочив на пригорок и получив обзор.

Всем скопом вниз и остановил своей волшебной палочкой гаишник, выйдя из-за автобусной остановки. Вот же засада в прямом и переносном!

Я оказался в веренице последним, и мог лишь молча наблюдать, как толстый от бронжилета капитан собирал, словно жирный котяра сметану, паспорта и водительские удостоверения. На вальяжность гаишника ушел добрый десяток минут, и пришлось поверх водительского протянуть служебное удостоверение. Усы кота-капитана сжались, но только лишь для того, чтобы сдержать улыбку при

старшем по званию. Постучал документами по палочке. А она ведь черно-белая, как наша жизнь...

– Скоро у нас будет как на Кавказе, товарищ полковник.

– А что на Кавказе?

Я только что прилетел оттуда, завтра возвращаться обратно, так что иронии не принял. Хотя интересно услышать, что думают о нас в глубинке России.

– А там у каждого нарушителя есть оправдательный документ, – поведал капитан. И не преминул подчеркнуть свое пребывание в «горячей точке»: – Неделю назад в Нальчик летали на усиление. Тормозим парнишу лет восемнадцати. Лезет обниматься – я свой! И показывает листок стандартной бумаги, на который на ксероксе отпечатано удостоверение его двоюродного брата из вневедомственной охраны. Так что... – капитан развел руками, все еще размышляя, отдавать ли документы.

В другой раз бы пояснил ему разницу между парнишей и полковником, ксероксом и ксивой, проверкой документов в Моздоке и вызовом огня артиллерии на себя в Аргунском ущелье. Но я спешу, меня ждет в госпитале мой друг Лешка, вызвавший этот самый огонь на себя. У меня нет времени на разговоры с тобой, капитан.

Тот неторопливо заглянул в машину. Успокаивая себя, глубоко вздохнул: самолично именно так же приучал своих подчиненных осматривать

транспорт. По замершему взгляду проверяющего понял, что сам же и оставил зацепку – бутылки из-под пива! Не оправдываться, не обращать внимания, перевести разговор...

– Но что мы нарушили? Пошла прерывистая разметка...

– Товарищ полковник, как вы думаете, неужели мы здесь случайно стоим? Там выставлен знак «Обгон запрещен». Ждите, вызовем, – капитан еще раз глянул на вещественные доказательства и, пропустив только-только подъехавший трактор, пошел к спрятанной за остановку машине.

Зато поземка, как самый яркий нарушитель дорожного движения, безбоязненно пересекала двойную сплошную, вылетала на встречку, переваливала отвал и неслась в снежное нетронутое безмолвие полей. Россия все же северная страна, именно зима одевает ее в свадебный наряд. Березы и сейчас стоят невестами в белой фате, рядом женихами в темных фраках подбоченились ели...

Прикрыл глаза, откинулся на сиденье. Пока все складывается против того, чтобы я успел к сроку в Севско – старинный русский город Севск, расположенный практически на границе с Украиной. Но ведь все равно успею, иного выхода нет. Просто придется гнать посильнее. А попутчица правду сказала про опасность впереди. Довез бы очки до озера, не уперся бы в «петушок». Вот и не верь приметам. Хотя и другая пословица есть: тише едешь – никуда не приедешь...

Гудок гаишной машины возвратил к реальности: меня звали. Арестованная вереница рассосалась, только один из водителей звонил по мобильнику, явно поднимая на выручку знакомых. Мне поднимать некого, мои все в Чечне...

Мнущийся около машины капитан мурлыкал в усы песенку, за рулем оказался майор. Это лучше. В одной звезде больше мудрости, чем в четырех капитанских всевластия.

Не ошибся.

– Вы слегка увлеклись скоростью, товарищ полковник.

– Даже не спорю, – поднял я руки.

– Не пили сегодня?

– И вчера нет. Вторые сутки за рулем. И надо успеть к утру вернуться в Москву. Аэропорт Чкаловский – Моздок, произнес я паролем путь из точки А в точку Б. Гражданским пирожкам они ничего не скажут, людям в погонах это как путь из варяг в греки.

Майор понял и оценил, что я не выпячиваю Чечню охранной грамотой.

– Подождите немного, сейчас товарищ отъедет, – кивнул на звонившего.

Тот уезжать без прав не собирался, зато заглянул внутрь машины капитан:

– Куда Васю?

Майор скосил на меня глаз, но посчитал за своего и отдал распоряжение:

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66